

ствовать правильному освещению развития болгарского языка. Более важно в современных условиях глубокое и всестороннее изучение истории языка. Ближайшей и самой неотложной задачей историков болгарского языка является изучение памятников письменности XIII—XV вв., которых насчитывается до 370. С. Стоянов находит, что критерии периодизации истории языка, выдвигаемые в докладе, слишком сбивчивы. С одной стороны, Вл. Георгиев указывает на появление нового «качества» в развитии языка, с другой, — на результаты действия основного закона развития языка и, наконец, — на самые важные черты языкового развития, но нигде не говорит о том, как связаны эти явления друг с другом.

С. Стоянов возражает и против отнесения так называемого среднеболгарского периода к староболгарскому, так как период XII—XV вв. отличается рядом фонетических, морфологических и синтаксических изменений, которые могут служить основанием для установления особого периода языкового развития.

Р. С. Газизов. Опыт сопоставительного освещения грамматических особенностей русского и татарского языков. — Казань, Татгосиздат, 1952. 256 стр. (Ин-т языка, лит-ры и истории Казан. филиала АН СССР.)

Рецензируемая книга Р. С. Газизова представляет собой дополненное и в известной мере переработанное издание «Опыта систематической грамматики татарского языка в сравнении с грамматикой русского языка» проф. М. Курбангалиева и Р. Газизова.

В книге значительно расширен круг рассматриваемых вопросов, особенно в части, касающейся тех явлений, которые оказываются специфическими для одного из сопоставляемых языков. Так, довольно обстоятельно освещены вопросы грамматического рода (стр. 31—35), согласования в роде (стр. 95 и др.), управления (стр. 44—93), глагольного вида (стр. 120—171) и отдельные структурные типы сложных предложений (стр. 193—217). В то же время автор изменил трактовку некоторых вопросов. Так, например, категория сослагательного наклонения, неверно рассматривавшаяся в старых изданиях как категория прошедшего времени (см. изд. 1931 г., стр. 113), в данной книге Р. С. Газизова получила правильное истолкование.

В книге в сравнительно-сопоставительном плане изучения русского и татарского языков дано много ценного в отношении уточнения различных форм глаголов и значений вспомогательных глаголов. Удачно разрешен вопрос о соответствиях в татарском языке русским частицам *не* и *ни*. Показано своеобразие обоих языков в построении и структуре предложений и пр.

Отдавая должную дань всем положительным моментам, имеющимся в книге, нужно, однако, сказать, что в ней есть также и очень много недостатков.

Решительное возражение вызывает то, что автор иногда считает возможным подходить к отдельным явлениям одного языка с точки зрения явлений другого. Так, опираясь на грамматическую природу русского соответствия татарской форме названия деятеля на *-чы* // *-че*, автор трактует последнюю как причастие настоящего времени (стр. 219, 224, 217). Очевидно тем же самым объясняется включение в число союзов и союзных слов глагольных форм *-ганда*, *-гач*, *-гач-та* (стр. 197), *-ганлыктан*, *-ганга курә* (стр. 202), *-мы* // *-ме*, *-а икән*, *-ган икән* (стр. 213), *-са да*, *-уга карамастан*, *-сын* // *-сен* (стр. 215) и т. п., выполняющих в придаточных предложениях функции, сходные с функциями, которые в русском языке осуществляются союзами и союзными словами.

При описании отдельных форм автор часто не считает за качественными изменениями в их содержании. Так, форма на *-макчы* // *-макче* давно осознана в татарском и других тюркских языках как форма для обозначения наклонения намерения и с сочетанием инфинитива на *-мак* // *-мак* с аффиксом деятеля на *-чы* // *-че* имеет только этимологическую связь. Тем не менее автор описывает ее и в плане современного языка как составную (стр. 120). Несмотря на то, что форма татарского инфинитива на *-рга* // *-ргә* порвала уже всякую связь с формой дательного падежа причастия на *-р* (к которой она восходит), автор рассматривает ее как причастие в дательном падеже применительно к современному состоянию языка (стр. 118—119). Отсутствием учета качественных изменений страдает также обзор аналитических форм с глаголом *иде* (стр. 166), обозначающих вполне самостоятельные грамматические категории (давно-прошедшее, прошедшее незаконченное, сослагательное наклонение).

Ознакомившись с предложенной автором схемой спряжения на стр. 115, можно подумывать, что он разделяет точку зрения И. И. Мещанинова на происхождение форм 1-го и 2-го лица в результате дифференциации первоначально диффузного 3-го лица.

Автор довольно часто путает грамматические категории: деепричастие на *-а* // *-й* — с причастием настоящего времени (стр. 119, 219), а название действия и *-сы* —

с причастием будущего времени (стр. 119); послелоги *аркылы, янына, естенэ, астына, эченэ* (стр. 149), *аша, аркылы* и т.п. (стр. 141) — с наречиями; вспомогательный глагол *башлау*, при посредстве которого основной глагол приобретает видовой оттенок приступа к действию, на стр. 119 попал в разряд «модальных слов»; слово *остановитесь* оказалось в ряду глаголов, требующих творительного падежа (стр. 58); русский суффикс возвратного залога *-ся, -сь* (стр. 114) и татарский аффикс отрицания *-ма // -мэ* квалифицируются автором как частицы.

Многие принципиальные положения автора ошибочны. Неверно, например, что в татарском языке «ни одна часть речи в основной форме никаким формальным признаком, дающим возможность отнести ее к той или другой части речи, не обладает» (стр. 26), что «части речи не успели здесь окончательно дифференцироваться...» (стр. 8). Вопреки утверждениям автора, части речи в татарском языке представляют вполне обособленные категории, характеризующиеся как лексико-семантически (ср. числительные, междометия, частицы и др.), так и лексико-грамматически (ср. так называемые основные формы слов, восходящих даже к одному и тому же корню: *булу* «краска» и *буя* «красить»; *асрау* «нянька» и *асра* «воспитывать», «содержать» и пр.).

Неверно положение автора о том, что в заимствованиях, не подчиняющихся законам сингармонизма, последний осуществляется в аффиксах по последнему слогу основы (стр. 23). В татарском языке, как и в большинстве других тюркских языков, небная гармония гласных проводится по первому слогу. Поэтому в татарском языке приняты формы *ударниклар, активлар, коммунистлар*, а не *ударниклар, активлар, коммунистлар*, как это должно было бы получаться согласно данному положению автора.

Неверно, что «согласные *б, д, ж, з, а, л, м, н, р, с, т, ф, ш, ч* произносятся как соответствующие звуки в русском языке» (стр. 17). Достаточно указать на особенности произношения первого и последнего из указанных звуков, чтобы опровергнуть данное положение автора: татарск. *б* и *ч* по сравнению с русскими звуками *б* и *ч* имеют более слабую смычку.

Характеристика звуков *ә, у* и других вовсе не соответствует действительности. Вопреки утверждению автора, *ә* в татарском языке представляет собой огубленный полуоткрытый звук, артикуляция которого связана с серединой твердого неба и передней частью середины языка (ср. *кәлке* «смех») и который только в соседстве с губными согласными или в их окружении дает более передний и более огубленный вариант (ср. *тәп* «пень», «дно», «основа»; *мөмкин* «можно»). Что касается артикуляции звука *у*, то она связана с передней частью твердого неба (ср. *куә* «синий», «серый»). Таким образом, *у* скорее можно сопоставить с русск. *у* в слове *путь*, чем с нем. *ü*, как это предлагает автор (татар. *у* более или менее приближается к нем. *ü* разве только в соседстве с губными согласными: *түмәр* «плаха»).

Татар. *х* (стр. 21) и *г* (стр. 18) имеют не гортанное произношение, а язычковое (в окружении же звуков переднего ряда — даже переднеязычное: *хәбәр* «весть», *мәгәнә* «смысл»).

Татар. дифтонг *ый* квалифицируется как долгий гласный. Это неверно. Вообще тезис о долгих гласных в татарском языке не состоятелен (стр. 14, 15), поскольку долготы как таковой здесь нет, а есть лишь более долгие и более краткие гласные, различающиеся позиционно. То обстоятельство, что татар. *и* в сильной позиции дает более долгий и несколько дифтонгоидный вариант, еще не позволяет причислять его к долгим гласным, как это делает автор (см. стр. 15, п. 10), и тем более не следует сопоставлять его с русским ударным *и* (там же), ибо звук *и* в обычном положении соответствует второму *и* в слове *книги*.

Иногда автор обнаруживает в языковых явлениях то, чего на самом деле они не содержат. Так, в примере *Вчера вечером мы сидели в классе и готовили уроки, но погасло электричество, и мы вынуждены были прервать занятие* у глаголов *сидели* и *готовили* усматриваются прерывистая краткость и незавершенность, обусловленные «...тем, что погасло электричество» (стр. 122), хотя здесь указанные глаголы никак не могут считаться прерывисто-краткими, а их незавершенность, конечно, не стоит ни в какой связи с отсутствием света. Подобную же несообразность представляют собой рассуждения автора о функции приставок *от* (стр. 145 и далее), *за* (стр. 158), *рас* (в глаголе *раскачать*, стр. 138), *вы* (в глаголе *выучить*, стр. 121), о функции формы возвратного залога в глаголах типа *языну* (стр. 176), о семантике конструкции с предлогом *против* (стр. 88), о способности сочетания глагола *бару* с дееспричастием на *-а* || *-й* обозначать «действие, которое сопровождается другим действием» (стр. 167), об обозначении разделительных числительных при помощи повторения типа *берер-берер* «по одному» (стр. 111), о расположении компонентов сложносочиненных предложений в зависимости от последовательности выраженных в них событий (см. пример на стр. 195), о выражении глаголами *сеял* и *жнал* действия, повторяющегося «в прошлом каждый год (периодически)» (стр. 122), о глаголах цели (стр. 53, п. VII), «боязни, испуга...» (стр. 54, п. VIII) и т. д.

Еще чаще при описании того или иного явления автор упускает из поля зрения ту или иную его сторону, нередко весьма существенную.

Так, говоря о средствах подчинения, автор не упоминает едва ли не о самом важном из них — об интонации (стр. 197—216). Да и другие средства подчинения не всегда учитываются здесь в полной мере. Например, в предложении *Сине кая эшибэргэн булсалар, шуңда бар* «Иди туда, куда тебя послали», помимо относительного слова *кая* и интонации, средствами подчинения служат, во-первых, указательное местоимение в главном предложении (*шуңда*), во-вторых, постановка глагола придаточного предложения в условной форме. Между тем автор признает здесь средством подчинения только слово *кая* (стр. 209). При описании вопроса о соответствиях русскому будущему совершенному и несовершенному в татарском языке (стр. 174) автор почему-то обходит вопрос о том, что простой форме русского будущего времени обычно соответствует в татарском форма настоящего времени совершенного вида (ср. «выиграю» — *отам*; «прогложу» — *йотам*; «не поеду» — *бармыйм*; «потеряю» — *югалтам*; «убью» — *үтерәм* и пр.). Говоря о причастиях, автор обошел молчанием форму на -р (стр. 117). Погрешностей такого рода и вообще всяких неточностей наберется по всей книге весьма немало.

В работе много псевдачных иллюстраций, отдельные из которых бьют мимо цели. Так, в примерах обозначения категории понудительности форма большей частью имеет вовсе не залоговое, а словообразовательное значение (стр. 177—178). Таковы, например: *кызарту* «подкрасить», *кызару* «покраснеть» от *кыз*- «нагреваться»; *тарарту* «раздавать» от *тара*- «чесать»; *ашарту* «кормить» от *аша*- «кучать»; *кучеру* «переместить», «перенести» от *куч*- «переместиться»; *пешеру* «варить» от *пеш*- «свариться»; *чыгару* «выпустить», «решить» (задачу), «исключить» от *чык*- «выходить»; *курэсту* «показывать» от *кур*- «видеть», «смотреть» и т. п. О справедливости данного замечания, помимо всего, говорит то обстоятельство, что в случае необходимости придать этим глаголам значение понудительности прибегают к помощи двойной формы залога (стр. 178—179). Нельзя считать удачным раздел о возвратном залоге: его форма в глаголах *сөйләшү* «разговаривать» от *сөйләү* «говорить», *сугышу* «драться», «воевать» от *сугу* «бить» и т. п. (стр. 167) также не имеет залогового значения. То же самое нужно сказать и о форме взаимного залога в глаголах *ярышу* «состязаться», *дуслашу* «подружиться», «помириться» и т. п. (стр. 137). Примеры *эшләп чыгару* «вырабатывать», *үтүкләп бетеру* «выглаживать», приведенные как соответствия приставочным русским глаголам (стр. 133), для данного случая не подходят. Это замечание относится и к примерам выражения кратности глаголами несовершенного вида (стр. 122), оформления категории рода (кроме примеров под пп. 5 и 6, стр. 8), повелительного наклонения от возвратных глаголов *моюсь*, *моешься*, *мылся*, *мылись*, *мойтесь* (стр. 114) и др.

Нужно указать далее на значительные недостатки во внешнем построении книги. По непонятным мотивам ряд вопросов синтаксиса, например «Связь слов в предложении и словосочетании» (стр. 26 и сл.), рассматривается в разделе морфологии. Здесь же оказалось почему-то и описание употребления фонетических вариантов аффиксов словоизменения в зависимости от фонетических законов татарского языка (стр. 36—37, 108, 115—117). Не на месте даны правила правописания частиц *не* и *ни* (стр. 184—185), функции вспомогательного глагола *иде* (стр. 165), конструкции типа *барасы килә*, функции падежей (стр. 46 и далее) и др. «Список более употребительных наречий» нужно было дать в приложении. То же самое нужно сказать и о сводной таблице послелогов и предлогов.

Материал изложен большей частью без плана и системы. Так, характеристика звукового состава производится автором в одном случае по способу образования звука, в другом — по способу обозначения его на письме (ср., например, п. 6 и 8, стр. 15, а также п. 2, стр. 14). В центре внимания оказывается по русский язык (стр. 120—170), то, наоборот, татарский (стр. 21—22, 46—48 и др.); то дается параллельное, сопоставительное освещение, то одностороннее.

Книга оставляет желать много лучшего также с точки зрения стилистической. Многие страницы в ней пестрят неудачными, а иногда загадочными предложениями (см. стр. 15, 61, 117, 119, 120, 159, 171, 175, 184, 188, 221, 225 и др.). Автор злоупотребляет цитатами, приводя их без всяких комментариев, причем объем некоторых цитат достигает чуть ли не целой страницы (стр. 60—61, 165—166 и др.). Злоупотребляет он в некоторых случаях также архаизмами и диалектизмами или «жаргонизмами» типа *шар ачык* «настежь», *ул көчледер* «он силен» (вместо лит. *ул көчле*; стр. 101), *буреләрдән курыккан* «испугавшийся волков» (вместо лит. *буредән курыккан*; стр. 54), *ниңдә сәбәп йөзенән* «по какой причине» (вместо лит. *ни сәбәп, ниңдә сәбәп буенча*; стр. 61), *ярату йөзенән* «вследствие любви» (вместо лит. *яратканга күрә*), *ул бик тәҗрибәле булып күренә* «он кажется очень опытным» (вместо лит. *тәҗрибәле күренә*; стр. 56), *тарсымак* «тесноватый» (вместо лит. *тарырак*; стр. 104), *сездән борын* «до вас», «раньше вас» (вместо лит. *сезгә кадәр*; стр. 80), *үтәли* «через, сквозь» (вместо лит. *аша*; стр. 80) и т. п.

Возражение вызывает применение неупотребительных, а иногда непонятных для широкого круга читателей лингвистических терминов типа «полнога действия», «до-стижение объекта действия» (стр. 133, 137), «отделение» (стр. 153) и пр.

Можно указать на неточные, а иногда и неверные переводы, например: «вместо» — *берга* (вместо *урынына*; стр. 182), «выглядить» — *утуклап бетеру* (вместо *утуклау*; стр. 133) и т. п.

Сплошь и рядом попадают в книгу необдуманные формулировки. Так, из указаний автора на стр. 40 вытекает, что при обозначении принадлежности между существительным и притяжательным аффиксом вклинивается еще и личное местоимение. Другой пример: «Приставка *пред-* указывает на совершение действия впереди предмета как в пространственном, так и во временном значении. Например: *Предстать перед судом. Я вас хочу предостеречь...*» (стр. 143).

Как видно из вышеизложенного, книга Р. С. Газизова страдает существенными недостатками. Читателям, которые не имеют специальной подготовки и не могут критически подойти к ее содержанию, она может быть рекомендована как учебное пособие только после устранения перечисленных недостатков.

А. А. Юлдашев